

Учеба без мотивации: как деградируют петербургские школы

Фото: РБК

В российских школах начались госэкзамены – ЕГЭ в одиннадцатых классах и ОГЭ (основной государственный экзамен, ранее именовавшийся ГИА – государственной итоговой аттестацией) – в девятых. Перед этим прошла серия репетиций – пробных экзаменов в школах. В Петербурге случилась сенсация – более 50% школьников, репетировавших ОГЭ по математике, получили двойки – не смогли набрать даже минимальных 8 баллов из 38. В связи с этим учитель математики, заместитель директора знаменитой 30-й школы (имеет статус губернаторского лицея) Анастасия Ильина рассказала драматические подробности: «В некоторых школах Кировского района в классах из 30 учеников двойки получили 20. Я сама проверяла работы, и некоторые не могли набрать даже одного балла».

Это настолько взволновало чиновников и директоров школ, что они стали собирать родителей и пугать их ужасными последствиями, если этот результат повторится в ходе настоящего ОГЭ 31 мая.

Специалисты считают такой результат репетиций вполне закономерным. «Школьное математическое образование стремительно деградирует», - уверен старший методист лицея «Физико-техническая школа» Академического университета РАН, кандидат педагогических наук, заслуженный учитель России Валерий Рыжик, более 50 лет преподававший математику, в том числе, в знаменитой петербургской физико-математической школе № 239.

Уровень подготовки ужасный

Школьные учителя и преподаватели вузов приводят массу примеров плохой математической подготовки школьников. Так, декан экономического факультета МГУ Александр Аузан как-то пожаловался, что многие абитуриенты, даже с высоким баллом ЕГЭ по математике, на вступительных экзаменах не могут решить простейшие задачи - даже те, которые каждый взрослый человек решает ежедневно в обычной жизни.

Доцент Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена Татьяна Ходот, 49 лет проработавшая в пединституте, свидетельствует: «В последние годы наши преподаватели говорят в начале каждого учебного года, что таких слабых детей они еще не встречали. То, что сейчас происходит, мне кажется это уже даже не развал математического образования, а гораздо хуже – катастрофа. Из 28 поступивших к нам детей, сдававших ЕГЭ, когда его только ввели, к пятому курсу осталось трое. А половина отчислилась уже в январе на первом курсе. Некоторые абитуриенты приходят на первый курс с большим желанием учиться, но уже к ноябрю многие из них понимают, что

не тянут. При этом один из трех студентов спросил меня, бывает ли синус равным нулю. Когда я спрашиваю, чему равен синус тридцати градусов, они задумываются».

Подобные анекдотические примеры приводит и заведующий кафедрой математики Петербургского университета путей сообщения профессор Виктор Гарбарук: «Один абитуриент не смог на вступительном экзамене сосчитать, сколько будет пять умножить на пять. И хотя он поступал на платное отделение, мы его не приняли. Хотя для института это катастрофа, потому что большая часть нашей зарплаты поступает от платных студентов».

Специалисты называют несколько причин плохой подготовки школьников. Одна из них – низкое качество преподавания. «Как-то я попросила первокурсников сообщить, кого из них в школе с седьмого по одиннадцатый класс ни разу не вызывали к доске доказывать какую-нибудь теорему. Из 12 человек таких оказалось 8. Только один заявил, что в его школе на каждом уроке обязательно кого-нибудь вызывают к доске», - свидетельствует Татьяна Ходот. Студенты Виктора Гарбарука говорят тоже самое: «Мы в одиннадцатом классе к доске не выходили – все-время писали тесты».

Педагогов в вузах не готовят

Плохое школьное образование во многом порождено низким уровнем подготовки учителей. О том, как происходит эта подготовка, рассказывает Татьяна Ходот: «К нам зачастую приходят на первый курс по остаточному принципу - те, кто никуда больше не попал. А мы, в свою очередь, вообще теперь не даем педагогического образования. Мы не готовим учителей. В дипломах наших выпускников не написано «учитель» или «педагог». В России теперь нет педагогических вузов, их ликвидировали «как класс». Хотя некоторые предметы, необходимые будущим педагогам, остались – психология, педагогика и методика. Правда, методика теперь в основном теоретическая и преподавать ее могут люди, никогда не работавшие в школе».

Мы теперь – учреждение, которое готовит бакалавров образования по направлению «естествознание» и по специализации «математика». Это означает, что наш выпускник должен хорошо знать естествознание – географию, биологию, ну и математику тоже. Бывали случаи, когда наш студент приходил на практику в школу и директор посылал его провести урок географии».

Школам не нужны молодые учителя

«Многие наши выпускники хотят работать в школе, - говорит Татьяна Ходот. - Но у них мало практики, потому что ее урезали. Если раньше практика была на трех курсах, то теперь только на двух и ее продолжительность на каждом курсе сокращена вдвое. Учителя в школах не любят, когда к ним приходят студенты на практику. Потому что никакой пользы им от этого нет, только головная боль и лишняя нагрузка. Раньше учитель получал хотя бы какую-то денежку за своего практиканта. И это правильно – с практикантом надо работать, как с аспирантом в вузе. Нельзя просто разрешить студенту вести урок, потому что он ничего не умеет – ведь, как я уже говорила, педагогической подготовки он в вузе не получает».

В результате, практика очень мало что дает студентам и когда они после окончания вуза приходят работать в школу, для директора это головная боль – выпускник не умеет учить детей, его самого еще надо учить. Выпускников берут на работу в школу только при острой необходимости. Поэтому учительский корпус неуклонно стареет. Средний возраст

школьного учителя в Петербурге – 58 лет. При советской власти было обязательное распределение после вуза, так что школы были еще и обязаны брать выпускников. Сейчас распределения нет. И растет дефицит учителей в школах.

Раньше для выпускников была стажировка и только после нее выдавали диплом. Вот я сама год работала в школе стажером после вуза. Школы были заинтересованы брать молодых специалистов – потому что они год стажировались и уже чего-то умели, к тому же школам начислялись какие-то баллы за молодых специалистов. Сейчас ничего этого нет – ни стажировок, ни баллов, ни доплат учителям за практикантов».

Культурная деградация

На самом деле, как утверждают специалисты, ситуация с образованием еще хуже, чем это кажется на первый взгляд. «Одна моя студентка призналась, что ей очень трудно решать задачи, в описании которых встречаются причастные обороты, - рассказывает Татьяна Ходот. - Выяснилось, что они не умеют связывать подлежащее со сказуемым. Они не умеют правильно сформулировать вопрос. Им очень трудно читать учебники – они плохо понимают, что там написано. То есть, проблема даже не в плохом математическом образовании. Налицо крайне низкий уровень общей культуры. По-моему, это катастрофа».

Культурную безграмотность студентов отмечает и Виктор Гарбарук: «Когда нам пишут записки с просьбой пересдать какой-то экзамен, меньше трех ошибок в этих записках не бывает. Они совершенно не умеют говорить, связно отвечать на вопросы. Школа их не приучила связно излагать свои мысли. Оно и понятно – если даже историю, английский, литературу они сдают в виде тестов ЕГЭ, кто же говорить будет».

«Школа не развивает интеллект детей. Отсюда многие проблемы, такие, как неспособность учеников решать простейшие задачи, требующие не столько знания математики, сколько более или менее развитого интеллекта», - считает Валерий Рыжик.

Корень зла – в отсутствии мотивации

Главной причиной неблагополучия в системе образования специалисты называют отсутствие мотивации: у учеников - учиться, а у учителей - учить. Она и раньше была не слишком сильна, но в последние годы значительно ослабела, особенно у детей. И к этому приложили руку чиновники от образования, считают специалисты.

«Раньше родители боялись, что их дети не поступят в институт, а если и поступят, то вылетят за неуспеваемость и не получат диплом. Это сильно мобилизовало и родителей, и детей, влияло на отношения в семье, на отношение к учебе в школе и вузе как родителей, так и детей, - утверждает Виктор Гарбарук. - Теперь такой угрозы практически нет. Все знают – и поступит, и закончит. Как бы ребенок ни учился в школе и в вузе».

Дипломы получают все

Специалисты называют две причины такого положения вещей. Первая – огромное число филиалов вузов, особенно платных. Поступить в них не проблема, как и удержаться, даже при низкой успеваемости – потому что студенты нужны вузу даже больше, чем он им. Вуз финансируется платой студентов. Это обстоятельство, кстати, сильно влияет и на работу государственных вузов, особенно после начала реформы бюджетных учреждений в рамках 83-ФЗ, которая обязала все вузы зарабатывать на свое содержание.

При этом их бюджетное финансирование стало уменьшаться. «Космонавт Елисеев как-то пожаловался, что даже его вуз финансируют всего на 40% от потребности. Нас финансируют меньше, чем на 40%, - говорит Гарбарук. – Чтобы выжить, приходится зарабатывать на платных студентах. И их отчислять нам категорически не выгодно. И мы их держим, как бы плохо они ни учились. Они это понимают и потому не напрягаются. Осталось только два процента студентов, которые стараются хорошо учиться».

«Мы тоже всячески противимся отчислению, - подтверждает тенденцию Татьяна Ходот. -- Дошло до того, что проректор по учебной работе в прошлом году нам заявил: «Если даже вы пришлете мне на отчисление студента, я приказ не подпишу».

Вторая причина демотивации школьников связана с первой. Зависимость финансовой обеспеченности вуза, даже государственного, от количества студентов побуждает его снижать проходной балл ЕГЭ. «У нас проходной балл – 24, только на самые популярные специальности – 28. Чтобы набрать такие баллы нужно решить пять или шесть задач типа – синус какого угла равен одной второй. Или – если билет на автобус стоит пять рублей, сколько билетов можно будет купить на сто рублей после повышения цены на 20%. Для этого в школе можно учиться спустя рукава», - с горечью отмечает профессор Гарбарук. При этом 6% российских школьников не могут решить даже такие задачи. А это, между прочим, 50 тысяч человек.

Учитель без мотивации

Нет мотивации и у учителей. «Низкая оплата труда делает учительскую профессию крайне непрестижной, даже неуважаемой, - утверждает молодой учитель математики и информатики 30-й школы Антон Тимофеев. – В учителя идут только редкие энтузиасты, вроде меня». Лишает учителей мотивации и нежелание детей учиться, и унижительно примитивные задачи, которые требует ЕГЭ для получения минимального балла для получения школьного аттестата и поступления в вуз, - считает заслуженный учитель России Тамара Лейкина. «Где там математика? Такие легкие задачи убивают желание преподавать математику», - возмущается она.

«Чтобы дети добросовестно учились, им должно быть интересно учиться, - напоминает известную специалистам истину Тамара Лейкина. – Но если у учителя нет мотивации, он не сделает урок интересным. Этого сейчас и нет». «Да учителям просто некогда об этом думать. Они перегружены и завалены бумажной работой, которую на них навесили чиновники», - считает Валерий Рыжик. Непрестижность профессии учителя, неуважительное отношение к нему в обществе снижает авторитет учителя в глазах учеников. И это тоже усиливает их нежелание учиться.

Двойки теперь не проблема

Дети могут себе позволить не учиться, потому что получать двойки в четверти или даже за год сейчас не слишком опасно. «Раньше за это оставляли на второй год, а теперь с одной двойкой переводят в следующий класс. Как только это ввели, успеваемость резко понизилась даже в нашей очень хорошей школе, - свидетельствует замдиректора 30-й школы Анастасия Ильина. – Еще год назад нельзя было перевести в следующий класс ученика с несколькими двойками. Сейчас уже можно учиться с любым количеством двоек – ребенок считается условно переведенным в следующий класс и, формально, должен учиться по индивидуальному плану. На второй год его можно оставить только по желанию родителей. Понятно, что это приведет к еще большему снижению уровня образования».

Справедливости ради к этим аргументам следует, по-видимому, добавить и объективные факторы: жизнь изменилась, и для выстраивания карьеры, особенно в бизнесе и на госслужбе, особого образования сейчас не нужно. Страна живет за счет доходов от продажи сырья, бизнес – заработками на госзаказах, на качество исполнения которых чиновники за взятки закрывают глаза. Госслужащие сидят на высоких зарплатах при низкой ответственности за свою работу. Для всего этого квалифицированные специалисты не нужны. Нужны формальные атрибуты образованности - школьные аттестаты и вузовские дипломы, а их получить не проблема.

Многие специалисты не скрывают своего убеждения в том, что государство очевидно не заинтересовано в качественном образовании своих граждан. Следствием этого, вероятно, является отсутствие необходимой компетентности в системе управления образованием, на чем настаивает Валерий Рыжик. В этом, по его мнению, причинах многих дефектов системы образования. В частности, нелепо организованный ЕГЭ.

Провинция спасет?

«Если мы выживем, то только за счет периферии, - надеется Татьяна Ходот. - Я недавно была в Самаре и в Брянске. Там у учителей совершенно другие проблемы. Они находят время на дополнительные занятия с учениками. Меня они спрашивают, как такую-то тему лучше всего подать ученикам, по какому учебнику ее изучать. Там совершенно другой климат. Даже лица у детей отличаются от наших. У студентов осмысленный взгляд. В Самаре студенты провели для меня экскурсию по городу. Они рассказывали мне о своем городе грамотным русским языком. Хотя уровень знаний у них не лучше нашего. Но они хотя бы стараются».

Виктор Гарбарук, хорошо знающий ситуацию в школах Северо-Запада, не столь оптимистичен: «Есть, конечно, замечательные школы в разных городах и поселках, но есть и печальные примеры. В одной школе учитель говорил ученикам: «Я не учу и учить не буду. Поставлю всем четверки и уходите».

Владимир Грязневич